

Университетская предметная олимпиада по литературе

Уважаемые одиннадцатиклассники, сделайте, пожалуйста, комплексный литературоведческий анализ предложенного стихотворения Б.Л. Пастернака «Поэзия».

Поэзия, я буду клясться
Тобой и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты — лето с местом в третьем классе,
Ты — пригород, а не припев.
Ты — душная, как май, Ямская,
Шевардина ночной редут,
Где тучи стоны испускают
И врозь по роспуске идут.
И в рельсовом витье двояся, —
Предместье, а не перепев, —
Ползут с вокзалов восвояси
Не с песней, а оторопев.
Отростки ливня грязнут в гроздьях
И долго, долго, до зари,
Кропают с кровель свой акrostих,
Пуская в рифму пузыри.
Поэзия, когда под краном
Пустой, как цинк ведра, трюизм,
То и тогда струя сохранна,
Тетрадь подставлена, — струись!

1922 г.

Университетская предметная олимпиада по литературе

Уважаемые участники олимпиады, вам предлагается сделать (на выбор) комплексный анализ или поэтического произведения или прозаического отрывка. Будьте внимательны.

Следите за речью. Успехов!!!

*Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл;
сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с
снежным морем. Все исчезло. — Ну, барин, — закричал ямщик: — беда — буран!*

«[Капитанская дочка](#)».

И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции 2-й. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс.

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят, как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?

Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальберг, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжелых походов, службы и бед вернулся на Украину в город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе.

Когда отпевали мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна. Отец Александр, от печали и смущения спотыкающийся, блестел и искрился у золотеньких огней, и дьякон, лиловый лицом и шеей, весь ковано-золотой до самых носков сапог, скрипящих на ранту, мрачно рокотал слова церковного прощания маме, покидающей своих детей. Алексей, Елена, Тальберг и Анюта, выросшая в доме Турбиной, и Николка, оглушенный смертью, с вихрем, нависшим на правую бровь, стояли у ног старого коричневого святителя Николы. Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик-бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно и только к лучшему.

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через весь громадный город на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец. И маму закопали. Эх... эх...

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавотт, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым с гавоттом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Университетская предметная олимпиада по литературе

Вот этот изразец и мебель старого красного бархата и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанскою Дочкою, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, — все семь пыльных и полных комнат, выросивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цеплялась за руку Елены плачущей, молвила:

— Дружно... живите. Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину старшему — молодому врачу — 28 лет. Елене — 24. Мужу ее, капитану Тальберг — 31, а Николке — 17 с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера, и метет и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воеет и воеет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

— Живите. А им придется мучиться и умирать. Как-то, в сумерки, вскоре после похорон матери, Алексей Турбин, придя к отцу Александру, сказал:

— Да, печаль у нас, отец Александр. Трудно маму забывать, а тут еще такое тяжелое время... Главное, ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...

Он умолк и, сидя у стола, в сумерках, задумался и посмотрел вдаль. Ветки в церковном дворе закрыли и домишко священника. Казалось, что сейчас же за стеной тесного кабинетика, забитого книгами, начинается весенний, таинственный спутанный лес. Город по-вечернему глухо шумел, пахло сиренью.

— Что сделаешь, что сделаешь, — конфузливо забормотал священник. (Он всегда конфузился, если приходилось беседовать с людьми). — Воля божья.

— Может, кончится все это, когда-нибудь? Дальше-то лучше будет? — не известно у кого спросил Турбин. Священник шевельнулся в кресле.

— Тяжкое, тяжкое время, что говорить, — пробормотал он, — но унывать-то не следует... Потом вдруг наложил белую руку, выпростав ее из темного рукава ряски, на пачку книжек и раскрыл верхнюю, там, где она была заложена вышитой цветной закладкой.

— Уныния допускать нельзя, — конфузливо, но как-то очень убедительно проговорил он. — Большой грех — уныние... Хотя, кажется мне, что испытания будут еще. Как же, как же, большие испытания, — он говорил все увереннее. — Я последнее время все, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности, конечно, больше всего богословские... Он приподнял книгу так, чтобы последний свет из окна упал на страницу и прочитал:

— «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь». (Булгаков. Белая гвардия. 1923-1924 гг. Москва.)

ИЛИ

В суету городов и в потоки машин

Университетская предметная олимпиада по литературе

Возвращаемся мы — просто некуда деться!

И спускаемся вниз с покорённых вершин,

Оставляя в горах, оставляя в горах своё сердце.

Так оставьте ненужные споры —

Я себе уже всё доказал:

Лучше гор могут быть только горы,

На которых ещё не бывал,

На которых ещё не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один?!

Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!

Но спускаемся мы с покорённых вершин...

Что же делать — и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —

Я себе уже всё доказал:

Лучше гор могут быть только горы,

На которых ещё не бывал,

На которых ещё не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем

Горы будят у нас — и зовут нас остаться!

Но спускаемся мы (кто — на год, кто — совсем),

Потому что всегда, потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —

Я себе уже всё доказал:

Лучше гор могут быть только горы,

На которых ещё не бывал,

На которых никто не бывал! (В. Высоцкий. Прощание с горами.1966).

Университетская предметная олимпиада по литературе